

УДК 821.111

«ОБРАЗЫ ВОЙНЫ» В ПОЭЗИИ РИЧАРДА ОЛДИНГТОНА

И.А. АНТИПОВА

(Полоцкий государственный университет)

Исследуется сборник Р. Олдингтона «Образы войны», в котором отразились переживания поэта на фронтах первой мировой. Прослежена эволюция писателя от модернистского течения имажизма к реалистическому изображению действительности. Выявлены основные тенденции поэтического творчества Р. Олдингтона 1917 – 1919 годов, проанализированы тематика и проблематика сборника, отмечены особенности выбора выразительных средств языка, выделены три тематические группы стихотворений: прощание с юношескими мечтами, переход к новой реальности, изображение войны через призму личных переживаний.

Введение. Ричард Олдингтон был одним из молодых писателей начала XX столетия, приковавших к себе всеобщее внимание. «Книги его переведены более чем в десяти странах, а читают их во всём мире. Олдингтон по праву принадлежит к немногим современным английским писателям, имеющим поистине мировую славу», – писал о нём в 1938 году Ч.-П. Сноу [11, с. 24]. В нашей стране он более известен как прозаик – автор романов «Смерть героя», «Все люди враги», «Дочь полковника». Однако в Англии Олдингтон известен, главным образом, как поэт и литературный критик. Английские литературоведы ценят именно поэтическое наследие Р. Олдингтона. Можно спорить о том, где ярче проявился его талант – в поэзии или прозе, но несомненно, что изучение ранних произведений важно для понимания всего творчества Олдингтона.

В начале XX века в Англии сформировались две поэтические группировки – имажисты и георгианцы, стремившиеся к новаторству в английской поэзии. По одной версии георгианцы вели свое название от «Георгик» Вергилия; по другой – от имени короля Георга V, взошедшего на престол ко времени становления творчества поэтов-георгианцев. Поэзию георгианцев отличало неприятие буржуазной действительности, уход от реальности в лоно сельской идиллии, обращение к прошлому, стремление к спокойствию и определённости. В их группу входило около 40 поэтов: Руперт Брук, Джон Мейсфилд, Исаак Розенберг, Роберт Грейвз, Зигфрид Сассун и др. Имажистскую группу представляли Ричард Олдингтон, Эзра Паунд, Хильда Дулитл, Эми Лоулэлл и др. Основное понятие имажистской доктрины – «образ», который есть то, «что представляет интеллектуальную и эмоциональную совокупность в единый миг» [5, с. 313]. Современное общество имажисты воспринимали как царство стандарта, заурядности и пошлости. Их объединяло предчувствие катастрофы, принимавшей в их творчестве все более абстрактно-метафорические формы. Центральное место в их произведениях занимает образ человека как жертвы века техники и цивилизации. Оплакивая утраченную гармонию и единство мира, внутреннее одиночество и разобщенность людей, имажисты противопоставляли современность гармоничной, на их взгляд, античности. Поэтому в их произведениях значительное место занимали античные образы и мотивы. Имажисты стремились к неожиданным, ярким и, главное, точным и «чистым» образам, к обновлению поэтического языка и к употреблению разнообразных ритмических форм.

Основная часть. Первая мировая война стала поворотным моментом в жизни Олдингтона, как и в жизни многих других писателей, принимавших в ней участие. «Английская поэзия, – отмечает Г.Э. Ионкис, – обрела и потеряла в годы войны много талантливых поэтов, которые помогли ей спуститься с небес на землю, стать более жизненной и человеческой» [6, с. 17]. «Окопные поэты» – фронтовики – принесли патристический пафос, пропитанный кровью реальных жертв войны, где глубокий лиризм сочетается с солдатской правдой войны. Многие из них отдали жизнь за отечество: Руперт Брук (1887 – 1915) – автор военных сонетов; Чарльз Сорли (1895 – 1915) – первый поэт, которому удалось освободиться от идеализации войны; Уилфред Оуэн (1893 – 1918), убитый за неделю до перемирия и написавший сборник стихов «только о войне» для будущих поколений. Фронтовые стихотворения Руперта Брука овеяны светлой, спокойной грустью; стихотворения Чарльза Сорли – это естественная реакция честного солдата и поэта на бессмысленность и бесцельность кровавой бойни; Зигфрид Сассун в резкой, сатирической и доступной манере выразил настроения солдатских масс; поэтические произведения Уилфреда Оуэна отличаются преобладающим настроением любви и сострадательности к человеку; Ричард Олдингтон, будучи имажистом, влюблённым в Элладу, пришел к пониманию, что мир имажистской поэзии слишком узок и далёк от истинной жизни.

Ричард Олдингтон в 1916 году вступил добровольцем в армию. Война положила начало новому периоду в его творчестве. «Его творчество под влиянием войны приблизилось к реальности», – отмечал Мак-Гриви. Имажист Олдингтон назвал свой сборник, в котором отразил пережитое на фронте, «Образы войны» («Images of war», 1919). Но «эти новые образы лишены изысканности, утонченности и мраморной бесстрастности его ранних стихов» [6, с. 22]. Характеризуя произведения, вошедшие в сборник, сам Олдингтон в одном из писем пишет: «Они горькие, мучительные... Они и есть суровая правда. Лично я думаю, что утратил утонченность техники, точность формы, но зато я приобрёл широту взгляда и способность общаться с широкой массой. Я описал честно, что видел и чувствовал» [2, р. 30]. Поэтические произведения, включённые в сборник, описывают ужасы, свидетелем которых поэт стал на фронте, – смерть, кровь, разложение, грохот снарядов, огромные крысы на трупах, разрушенные дома, страдания измученных людей и личные переживания лирического героя.

Сборник «Образы войны» открывается небольшим стихотворением «Вступление» («Proem»), в котором, по словам Герберта Рида, современника и друга Олдингтона, выражена сущность творчества самого писателя.

Out of this turmoil and passion,	В этом смятении и страсти,
This implacable contest,	В жестокой борьбе,
This vast sea of effort,	В этом необъятном море мучительного напряжения,
I would gather something of repose,	Я обрету некоторый покой,
Some intuition of the inalterable gods.	Пойму, что боги неизменны.
Each day I grow more restless,	С каждым днём тревога моя растёт,
See the austere shape elude me,	Чистые формы ускользают от меня,
Gaze impotently upon a thousand miseries	Я бессильно созерцаю бесчисленные страдания
And still am dumb.	И по-прежнему нем.

(Пер. С.Б. Муравьёвой)

Речь идёт о мучительном кризисе: поэт ощутил, что иллюзорный мир его ранних стихотворений рушится. Война заставила его взглянуть в лицо жизни, отвлечься от идеалов Древней Эллады. В стихотворении «Живые гробницы» («Living Sepulchres») он говорит о том, как пытался воскресить в окопах войны свой юношеский мир гармонии и красоты, сочиняя хокку «из месяца, цветов и снега». Но «призрачная беготня огромных крыс, отъевшихся человеческим мясом», заставила поэта съёжиться от ужаса. Олдингтон понимает непригодность прежней манеры письма для передачи нового мироощущения. Хокку неуместны в окопах среди трупов и крыс, и прямота, с которой он говорит об этом, – плод большого творческого усилия. Но это признание не является свидетельством отказа от прежних иллюзий и от имажизма. Этот процесс длительнее и сложнее. Рядом со стихотворениями, рисующими правдивую картину войны, мы встречаем высокопарные строки обращения к богам, но эти боги беспощадные, «очень старые и очень жестокие», они «отвернулись от наших мук», и поэт бросает им горький упрёк, вложив его в уста убитого парня: «Нас так мало, так невозможно мало – Неужели судьба не могла пожалеть нас?» (We are so few, so very few / Could not our fate have been more merciful?) – «Молодому дереву». Многие мифологические образы заимствованы из суровой и грозной нордической мифологии: Валгалла, валькирии, летящие в бой, битва богов, поражаемых молотом Тора. Они возникают тогда, когда речь заходит о разрушительных орудиях, о мощных механизмах, уничтожающих всё живое. Так, в стихотворении «Огневая завеса» («Barrage») Олдингтон для более точной передачи кошмара происходящего сопоставляет описание боевых действий с мифологическими событиями, подчёркивая масштабность происходящей бойни, грандиозность человеческого безумия:

Thunder,	Грохот,
The gallop of innumerable Valkyrie impetuous for battle,	Топот несчётных валькирий, летящих в бой,
The beating of vast eagle wings above Prometheus,	Взмахи орлиных крыл над Прометеем,
The contest of tall barbaric gods smitten by the hammer of Thor,	Битва богов, поражаемых молотом Тора!
Pursuit! Pursuit! Pursuit!	Погоня! Погоня! Погоня!
The huge black dogs of hell	Огромные чёрные псы преисподней,
Leaping full-mouthed in murderous pursuit!	Вгрызаясь, ринулись в смертельный гон!

(Пер. А. Сергеева)

Исследователь Н.Н. Михайлов считает, что отражая личные переживания через непосредственное преломление войны, Олдингтон терпит неудачу, так как «никакие мифологические образы не могут компенсировать недостаток подлинного драматизма в описании» [8, с. 9]. Мы же придерживаемся мнения Г.В. Аникина, который отмечал, что «эллинизм Ричарда Олдингтона был важным средством в исследовании трагических коллизий современности с позиции гуманистического идеала» [4, с. 96].

О глубоких переменах, которые происходят в сознании лирического героя Олдингтона, рассказывает стихотворение «В неволе» («Bondage», в некоторых переводах «Рабство»):

And I am so far from beauty
That a yellow daisy seems to clutch my heart
With eager searching petals,
And I am grateful even to humility
For the taste of pure clean bread.

И от красоты удалён я настолько,
Что сердце сжимается даже
При виде ромашки,
И я благодарен до умиления
За вкус чистого хлеба.

(Пер. А. Сергеева)

Пройдя через ужасы войны, поэт по-новому воспринимает жизнь, простые вещи приобретают для него глубокий смысл («Село»):

But when you've pondered
Hour upon chilly hour in those damned trenches
You get at the significance of things,
Get to know, clearer than before,
What a tree means, what a pool,
Or a black wet field in sunlight.
(«A Village»)

Но если размыслить на морозе
Час за часом в этих проклятых окопах,
Ты постигнешь смысл всех вещей,
Поймёшь яснее, чем прежде,
Что значит дерево, пруд,
Сырое чёрное небо под солнцем.

(Пер. В. Рогова)

На смену прежнему абстрактному любованию прекрасным и возвышенным приходит «опрошение», «заземление» интересов.

Образ возлюбленной занимает большое место в поэтическом творчестве Олдингтона. Этот образ эволюционирует вместе с возмужанием поэта, приобретая в антивоенной поэзии новое, глубокое звучание. В ранних стихотворениях образ возлюбленной – это «строгая белая богиня», прекрасная и недостижимая. В военной поэзии – это земная девушка, дочь Земли, с гневом в груди наблюдающая за смертельным поединком. Часто образ возлюбленной сливается с образом страдающей, истерзанной Земли. Сама Земля – возлюбленная поэта. Так появляется отличительная особенность Олдингтона: восприятие войны через призму природы. В стихотворениях появляются новые образы и новые сравнения, которые деформируют привычные поэтические представления. Луна, которую Олдингтон изображал как прекрасную дочь Зевса, хрупкую лилию, утешительницу в час отчаянья, в более поздних стихах сравнивается с лицом недельного трупа. Земля превратилась в беззубую, обесчещенную распутницу, у которой светлое когда-то лицо изъедено пятнами заразной болезни («Taintignies»). Себя же лирический герой называет полуобезьяной, полуослом, слугой и рабом, подчёркивая личное восприятие происходящего. В последнем сравнении ярко проявляется своеобразие олдингтоновского подхода к войне, когда поэт отказывался видеть в солдате винтик военного механизма.

Одно из наиболее ярких стихотворений сборника – «Бомбардировка» («Bombardment»). Образно, сдержанно, в традициях имажистов, Олдингтон бесстрастно рисует чёткую картину войны: изрытая снарядами земля, разрушенные дома, грохот взрывов, измученные солдаты. Но воображаемая реальность груба, антиэстетична для канонов имажизма. Описывая небо, на которое смотрят солдаты, когда стихает бой, Олдингтон противопоставляет обезображенной земле не красоту и вечность, а несущее отдых спокойствие.

Поэт не боится, когда это необходимо, выйти за узкие рамки имажизма. Он понимает, что о людях и для людей надо писать просто. Его солдаты мёрзнут, курят, болтают, обмениваются впечатлениями («Окопная идиллия»):

He said:
'I've been here on and off two years
And seen only one man killed'.
'That's odd'.
'The bullet hit him in the throat;
He fell in a heap on the fire-step,
And called out "My God! dead".'
'God Lord, how terrible!'
'Well, as to that, the nastiest job i've had...'
(«Trench idyll»)

Он сказал:
«Я здесь уж два года,
И только раз при мне убили».
«Странно».
«Пуля пробила ему горло:
Он повалился на банкет
И воскликнул: "Боже, убит!"»
«Как это ужасно».
«Это что! Ещё омерзительней было...»

(Пер. Мих. Зенкевича)

Несмотря на то, что в стихотворениях часто звучит местоимение МЫ: «мы всё перетерпим, мы не устали, мы не одиноки, мы не боимся, мы сражались, мы погибнем, мы не хотим убивать луну», ярко прослеживается образ одиночества. Причём это одиночество является желанным. Поэт стремится к нему и прямо об этом говорит: «Тщетно мечтаю об одиночестве, о ходе безмолвных часов» (*I long vainly for*

solitude / And the lapse of silent hours) – «В неволе». Как видим, лирический герой не может слиться с солдатской массой и наблюдает войну как посторонний.

Олдингтон убеждается, что современный поэт должен быть современным и описывать мир таким, каков он есть на самом деле. Он понимает, что красота – капризная, противоречивая, в какой-то мере субъективная. Мы наблюдаем конфликт, происходящий в душе поэта: он по-прежнему готов ради прекрасного выдержать всё, но при этом стремится оторваться, отвлечься от него. Так, одним из доминирующих образов остаётся образ красоты, но это уже образ утраченной красоты, причём в контрасте с окружающей действительностью войны. В стихотворении «В походе» («On the March») лирический герой мечтает выбросить винтовку, мундир, сапоги – всё, что напоминает о реальности, и голым пробежаться по траве, запеть песню о красоте, о женщинах Эллады и даже о приветливом запахе лондонской грязи, стать свободным в гармонии с природой и собой. Но в чувственный мир героя, разрушая его, вторгается грубая реальность: «Отряд – стой – раз – два!». Поэтический мир Олдингтона – это мир реальности и чувственный мир иллюзии. Многие поэты слагали стихотворения о бесконечной жестокости войны, о страданиях людей, о грязи в окопах. Олдингтон же, обратившись к греческой красоте, остаётся ей верен. Эти стихотворения воспринимаются как «отрывки из большой красоты».

Поэт предвидел, что трагедия солдата, поэта-солдата, не заканчивается вместе с войной. Душевная травма слишком глубока, чтобы можно было забыть о прошлом. «Как жить после этого срама?», – восклицает поэт. Так возникает образ людей «потерянного поколения», одиноких, опустошенных, обременённых памятью о погибших («Раздумье»):

I think also that I am too restless
For the old life,
Too contemptuous of narrow shoulders
To sit again with the café-chatterers,
Too sick at heart with overmuch slaughter
To dream quietly over books,
Too impatient of lies to cajole
Even my scanty pittance from the money-vultures.
("Meditation")

Думаю, я слишком беспокоен,
Чтобы вести прежнюю жизнь,
Слишком презираю узкие плечи,
Чтобы снова болтать с завсегдатаями кафе,
Сердце моё так болит после страшной бойни,
Что я больше не смогу мечтать над книгами,
И я слишком нетерпим ко лжи, чтобы выпрашивать
Жалкие гроши у нажившихся на войне богачей.

(Пер. С.Б. Муравьёвой)

Эта тема станет одной из главных в творчестве Олдингтона. Важно отметить, что, несмотря на боль и горечь, пронизывающие стихотворения, поэт верит в человека, любит и ценит жизнь. Одно из главных отличий данного сборника по сравнению с ранним под названием «Образы» – это отсутствие эстетизации смерти. Смерть в раннем творчестве поэта воспринимается как логическое завершение пути, даже как желаемое успокоение. Но пройдя войну и испытав невзгоды, к Олдингтону приходит понимание ценности жизни, ради которой он готов вынести и выдержать все:

And all my answer:
'So that hate poison not my days,
And I still love the earth,
Flowers and all living things,
And my song still be keen and clear
I can endure'.
("Misery")

А вот и весь мой ответ:
«Именно чтобы ненависть не отравляла мне дни,
И я любил по-прежнему землю,
Цветы и всё живое,
И песня моя была бы ясной и внятной –
Ради этого всё я снесу»

(«Страдание», пер. В. Рогова)

Заключение. Сборник «Образы войны» составляют несколько тематических групп стихотворений:

1) прощание с юношескими мечтами, с античной красотой, с той личной художественной реальностью, в которой лирический герой ещё больше утвердился в тот день, когда в первый раз надел солдатские сапоги;

2) переход от грёз и «желанного сна» к новой реальности и признание этой реальности;

3) правдивое изображение войны через призму личных переживаний, когда ощущения поэта отесняют войну, и она находится на некотором отдалении. Военные стихотворения Олдингтона – это личный, страстный монолог лирического героя, наполненный болью и горечью целого поколения, которому было суждено погибнуть или пережить суровые испытания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aldington, R. The Complete poems of Richard Aldington / R. Aldington. – London: Allan Wingate, 1948. – 366 с.

2. Aldington R. An Autobiography in Letters / R. Aldington; ed. By Norman T. Gates. – The Pennsylvania State University, 2008. – 416 p.
3. McGreevy, Th. Richard Aldington: An Englishman [Electronic resource] / Th. McGreevy. – London: Chatto & Windus, 1931. – Mode of access: <http://www.macgreevy.org/style?style=text&source=book.rae.xml&action=show>. – Date of access: 24.06.2011.
4. Аникин, Г.В. Современный английский роман / Г.В. Аникин. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1971. – 310 с.
5. Антология имажизма / сост. А. Кудрявицкий. – М.: Прогресс, 2001. – 348 с.
6. Ионкис, Г.Э. Английская поэзия первой половины XX века / Г.Э. Ионкис. – М.: Высш. шк., 1967. – 96 с.
7. Ионкис, Г.Э. Эстетические искания поэтов Англии (1910 – 1930) / Г.Э. Ионкис; отв. ред. Т.Н. Васильева. – Кишинёв: Штиинца, 1979. – 139 с.
8. Михайлов, Н.Н. Ричард Олдингтон: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.Н. Михайлов; Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М., 1970. – 23 с.
9. Муравьёва, С.Б. Раннее творчество Ричарда Олдингтона / С.Б. Муравьёва // Вопросы филологии. Ленингр. ун-т. – Вып. 5. – 1976. – С. 161 – 167.
10. Олдингтон, Р. Собрание сочинений: в 4-х т. / Р. Олдингтон; ред. Т. Кудрявцева. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 1. – 559 с.
11. Сноу, Ч.П. Ричард Олдингтон (пер. Ю. Палиевской) / Ч.П. Сноу // Портреты и размышления: Художественная публицистика / Ч.П. Сноу; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – С. 24 – 37.

Поступила 27.04.2011

THE WAR IMAGES IN RICHARD OLDINGTON'S POETRY

I. ANTIPOVA

The collection of the "Images of War", by R. Oldington reflecting the poet's experience at the First World War front is considered. The writer's advance from Imagism to realistic depiction of the reality is retraced. The basic trends of R. Aldington's poetic creativity in 1917 – 1919 are detected. The subject and problem area of the collection is analysed, the choice of the expressive language is noted. The three thematic groups of poems: a farewell to youthful dreams, the transition to a new reality, the image of war in the light of personal experience are marked out.